

КАК СТРОИТСЯ РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ?

№ 2 / декабрь 2015

Мария Липман

От редактора

Государственный суверенитет нынешней России имеет совершенно точную точку отсчета – 12 июня 1990 года, когда подавляющим большинством голосов («за» проголосовали» 907 депутатов из 929) Первый съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России, тогда республики в составе Советского Союза. В том документе суверенитет мыслился вполне определенно – как независимость от Советского Союза: одним из положений Декларации значился приоритет конституции и законов РСФСР над актами СССР. Год спустя дата приобрела дополнительное символическое значение: 12 июня 1991 года был избран первый президент России Борис Ельцин, который уже в следующем 1992 году объявил этот день государственным праздником, получившим название громоздкое, но недвусмысленное – «День принятия декларации о государственном суверенитете Российской Федерации». Иными словами – день, от которого берет начало новое российское государство. Россияне еще долго считали 12 июня «Днем независимости»: вплоть до середины 2000-х так интерпретировали этот праздник более половины наших сограждан, хотя уже с 2002-го он был официально переименован в «День России»; название стало более емким и торжественным, но утратило соотнесенность с событиями, предшествовавшими распаду Советского Союза, да и вообще с какими бы то ни было событиями.

Вспоминая о дне 12 июня 1990 года, один из заметных политиков того времени Юрий Болдырев сказал, что в момент, когда Съезд проголосовал за суверенитет, никому «и в голову не могло прийти, что это пролог разрушения великой страны. Все рассматривали это исключительно как борьбу <...> прежних властей, и новых, молодых, прогрессивных,

которые двинут страну вперед». По всей видимости, так оно и было: несмотря на кажущуюся четкость формулировки о «суверенитете», голосовавшие думали о свободе, демократии, освобождении от диктата КПСС, о построении политической системы по западному образцу с многопартийностью, разделением властей и пр. , но только не о «выходе » из СССР – хотя бы потому, что не было и не могло быть никакого «СССР без России». В каком-то смысле СССР и был Россия.

Отделения добивались – и добились – страны Балтии (где не забывали о том, что в 1940 году были силой лишены государственной независимости); в остальных странах бывшего СССР отделение было в разной степени желанным (в частности, с огромным энтузиазмом за него проголосовала Украина) или неожиданно свалившимся. Все они обрели новую суверенную государственность и занялись – кто более, а кто менее успешно – культивированием собственных национализмов и строительством новых наций.

В постсоветской России национальному строительству уделялось мало внимания. Одной из важнейших причин является упомянутая выше неясность с самим возникновением новой России – является ли она продолжением СССР или его отрицанием. На ранних этапах либералы (тогда в ходу, скорее, был термин «демократы») называли обидным словом «совок» тех, кто, по их мнению, не освободился от советской униженности и покорности, не научился пользоваться новой свободой. Но в представлении самих русских либералов «правильный» русский человек (не «совок») должен был быть либералом-западником; о сути новой русской идентичности они практически не задумывались. Подобным исканиям предавались разнообразие движения и группы, радикальные и умеренные, ратующие за возвращение империи или за чистоту русской нации; но все они были в той или иной степени маргиналами. На государственном уровне строительство нации оставалось в небрежении.

Между тем в обществе нарастал неудовлетворенный спрос на национализм, как и потребность в более ясном ответе на вопрос, кто мы, постсоветские русские, и каково наше место в мире. Ответом Кремля стал политический разворот самых последних лет: агрессивная антизападная кампания, квази-традиционализм, присоединение Крыма и демонстрация «суверенитета» как права сильного. Именно так понятый «суверенитет» составляет суть того «предложения», которое на сегодня удовлетворило общественный запрос на национализм. При этом основа национальной идентичности по-прежнему остается неопределенной. В коротком выступлении по случаю «Дня России» в нынешнем 2015 году Владимир Путин говорил не о голосовании двадцатипятилетней давности, а о «многовековой истории и духовных корнях». Постсоветская Россия празднует вечный государственный суверенитет, избегая вопроса об истоках и характере нынешнего российского государства.

В этом выпуске «Контрапункта» мы публикуем статьи, посвященные особенностям государственного национализма в сегодняшней России. Наши авторы пишут о том, почему он появился именно сейчас, кто и как его формулирует, а также о том, какие националистические идеи возникали в российском обществе после распада СССР.